

Алена Яворская

Аравийский роман

Еще недавно статья о Семене Григорьевиче Гехте с полным правом могла начинаться со слов «забытый писатель...». Но в последние годы о нем достаточно много написано и в Одессе, и за ее пределами, его стихи и рассказы входят в антологии одесской литературы. В родном городе вышла книга Гехта «Избранное» – благодаря поддержке Евгения Калининского.

Но слово «забытый» все еще можно отнести если не к писателю, то к его книгам. Вернее, двум «загадочным и забытым» повестям: «Танков», 1928 (о левовцах и салоне Лили Брик), и «Пароход идет в Яффу и обратно», 1936 (о жизни подмандатной Палестины).

Как любят говорить французы: «Ищите женщину». И женщина в этой истории – не яркая и прославленная Лиля Брик, а одна из сестер Синяковых, семьи, сыгравшей значительную роль в истории русского авангарда. «Синие оковы» – так писал о них Хлебников. В Марию, Надежду, Веру, Оксану влюблялись Хлебников и Маяковский, Пастернак и Бурлюк, Асеев и Петников.

В 1925 году Вера Синякова стала женой Гехта и, естественно, общение с Маяковским и его кругом было очень близким. В 1928 году Сергей Бондарин, друг Гехта, писал в Одессу: «Гехт напечатал повесть «Танков», послужившую причиной вражды к нему левов и Лили Брик, которых он отчасти в этой повести изобразил».

Если повесть «Танков» совершенно выпала из поля зрения литературоведов, то вторая – «Пароход идет в Яффу и обратно» – осталась, пусть даже уничижительным отзывом Ильи Ильфа: «Об этом уже надо писать статью под названием «Нет, Жан, это не недоразумение». <...> Некто Меерзон раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бессмысленное – это не гамак и не качалка. Палестинские

пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый французский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый, и в Яффу не ходит. Нет, нет, Жан, это не недоразумение».

Повесть эту Гехт писал долго. Первое упоминание о ней еще в письме 1930 года Сергею Бондарину: «Летом соберусь и закончу свой арабийский роман. Он наполовину написан. Меня что-то не тянет к нему».

Вкратце сюжет повести – двое юношей, Александр Гордон и Герш Гублер, мечтающие о Палестине, добираются туда, а через несколько лет возвращаются в Советский Союз и едут в Биробиджан.

История более чем реальная, в фондах одесского Общества земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ), действовавшего в 1925-38 гг., сохранились письма о реэмиграции нескольких групп из Палестины в Биробиджан. Гехт, много писавший о жизни евреев, еврейских колхозах, Биробиджане, в 1920-х – начале 1930-х годов мог встречать таких людей.

Но могли ли вчерашние жители кибуцев (или квуц, как тогда говорили), как правило, ремесленники без особого образования, рассказать так подробно о политической жизни подмандатной Палестины? Так ярко описать быт переселенцев, историю первых кибуцев, строительство Тель-Авива?

Откуда мог знать об этом Гехт? Кто ему рассказал? И как человек, ни разу не побывавший за границей, мог так точно описать реалии политической жизни Палестины, внутренние разногласия? А кто мог пересказать выступления Жаботинского, рассказать о Хаиме Бялике, Сауле Черниховском, Иосифе Трумпельдоре? Описать тюрьму?

Ответ, скорее всего, кроется опять же в салоне Лили Брик. Именно там Гехт мог познакомиться с Яковом Блюмкиным, фигурой мрачной и загадочной. Блюмкин – убийца германского посла фон Мирбаха, чекист, разведчик, друживший с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, упоминавшийся в стихах Николая Гумилева.

Вряд ли пути Гехта и Блюмкина могли пересечься в 1910-е годы в Одессе. А в 1923-м Гехт уезжает с юга на север, в Москву, а Блюмкин – наоборот, из Москвы на юг, в Палестину.

Известно, что Блюмкин с декабря 1923 года поселился в Яффе, естественно, с фальшивыми документами. Для прикрытия он открывает прачечную, но активно занимается сбором информации о ситуации в подмандатной Палестине и английских колониях Ближнего Востока.

Неизвестно, какие именно сведения Блюмкин собрал, но бесспорно – если дореволюционную Одессу, клуб «Маккаби», эвакуацию в феврале 1920 года Гехт описывал по своим воспоминаниям (выводя реальные лица: Эмма Зегер – скорее всего, танцовщица Эльза Крюгер (или, возможно, певица Иза Кремер), Меерзон – журналист Яков Натансон, издатель популярной газеты «Одесские новости»), то реалии жизни Палестины – и бытовые, и политические – только со слов очевидца.

Не берусь утверждать, что никто из знакомых Гехта, кроме Блюмкина, не бывал в Палестине. Но упоминание английского разведчика, перипетии столкновения политических сил, упоминание и, похоже, личное знакомство с Владимиром Жаботинским и Иосифом Трумпельдором склоняет к мысли о Блюмкине.

В 1944 Гехт был арестован. На допросе всплывет знакомство с Блюмкиным: «...Случайно в 1926 году столкнулся на улице с Яковом Блюмкиным – бывшим секретарем Троцкого.

– Что, – спрашивает, – пишет сейчас Бабель?

– Рассказы, – говорю, – о чекистах...

– А-а, – засмеялся. – «Вечера на хуторе близ Лубянки»... Побасенки стороннего наблюдателя».

В обвинительном приговоре Гехту инкриминируют связь с троцкистами – через Блюмкина.

Но это все впереди, а пока читатели могут узнать о далекой и экзотической Палестине, куда так стремились евреи из черты оседлости. Повесть написана в советское время, и, разумеется, один из героев заявляет, что «на Палестину мы много надеялись, но мало от нее получили». Тем не менее более трех четвертей действия происходит именно в Палестине, часть в Одессе, а Биробиджан – скорее фон для рассказа о быте колонистов, жизни Иерусалима и Тель-Авива, столкновениях с английскими властями и с арабами, нежели описание трудовых подвигов переселенцев Биробиджана.

Герои вспоминают прошлое, действие переносится то в дореволюционную Одессу, то в Биробиджан, то в Иерусалим.

Но нам сегодня интереснее, какой описывал Гехт Одессу.

Ведь книга, изданная семьдесят лет назад не таким уж маленьким тиражом 10 000 экземпляров, стала библиографической редкостью – не раз серьезные исследователи долго восторгались, увидев ее в витрине Одесского литературного музея, а затем так же долго и бурно

возмущались ее недоступностью. Ведь лишь в 1983 году несколько глав из «Парохода...» были опубликованы в Израиле в книге Гехта «Простой рассказ о мертвецах».

В 1964 году Константин Паустовский писал в Гослитиздат: «Гехт был писателем большого дарования, мужества и чистоты. <...> Гехт писал сочно и лаконично. Наличие некой строгой и взыскательной доброты было характерно для его вещей, так же, как и наличие огромной его заинтересованности в окружающей писателя «быстротекущей» жизни. Гехт принадлежит к тем писателям, книги которых бесспорно требуют переиздания».

Через пятьдесят лет после смерти Гехта, через восемьдесят лет после выхода книги издательство «Книжники» в серии «Проза еврейской жизни» готовит к публикации книгу Семена Гехта «Пароход идет в Яффу и обратно».

Семен Гехт

Пароход идет в Яффу и обратно

Одесские фрагменты

Представьте себе Болгарскую улицу на Молдаванке в Одессе. Два мальчугана насмотрелись библейских картинок, наслушались заманчивых рассказов о пастухах и виноградарях Святой земли, о дочерях Сиона, собравшихся у колодца. Мы клялись друг другу, бродя по Болгарской. Дворницкие дети посылали нам в спину оскорбления. «Александр, мы поедем домой?» – «Поедем». Мальчики жмут друг другу руки, читают нараспев Бялика и ходят по вечерам на Большую Арнаутскую, в синагогу – клуб Явне. Ораторы зовут домой. Усышкин говорит о родной земле, Жаботинский рисует перед трахомными глазами мечтателей еврейские легионы, и семь братьев Маккавеев смотрят с упреком на обнищавший духом народ...

<...>

– Я также вырос в семье полусапожника-полумаклера, и мой отец Вениамин Бронштейн похоронен на третьем одесском кладбище.